

18+

Н. Бетельгейзе

Десятилетие

«Издательские решения»

Бетельгейзе Н.

Десятилетие / Н. Бетельгейзе — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983091-3

Вы когда-нибудь задумывались, что число, событие или еще что-то стали судьбоносными в вашей жизни? А может быть, вы и в судьбу не верите? Тогда имею честь представить историю некого Оскара Деловеге. Его судьба неизменно крутится вокруг цифры 10. Совпадение или закономерность? От беззаботного младенца до бродяги, от преданного солдата до изменника родины, от служителя церкви до любителя кабаков. Возможно, только я вижу в этом что-то необычное, и на самом деле каждый из нас играет множество ролей...

ISBN 978-5-44-983091-3

© Бетельгейзе Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Я еще долго сидел на перроне...	6
Глава 2. Как страшно и как прекрасно однажды проснуться и понять, кто ты есть на самом деле	13
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Десятилетие

Н. Бетельгейзе

Смиренно надеюсь, что моя история найдет отклик в чьем-то сердце...

© Н. Бетельгейзе, 2025

ISBN 978-5-4498-3091-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Я еще долго сидел на перроне...

Я еще долго сидел на перроне. Темнота, поглотившая город пару часов назад, начала рассеиваться. Стали появляться первые блики на воде. А это значит, что быть одному в самую тяжелую для меня ночь оставалось совсем недолго. Вот уже, кажется, я слышу стук каблучков какой-то дамы пожилых лет, за ней идет важный господин в лакированных туфлях, а за ними еще и еще люди. Я слышу, как они топчут асфальт, как они безжалостно топчут то место, где всего пару часов назад... А собственно, о чем это я. Так вам будет совсем непонятно.

Меня зовут Фридрих Норман. Привычнее, когда меня называют Норманом. Через час я покину этот город. Надеюсь, что уже никогда не вернусь сюда больше. Ничего о себе я рассказывать не стану, да и нечего мне сказать. Я один из тех людей, кто прожил свою жизнь, кочуя из одного города в другой. У меня нет ни жены, ни детей, ни даже малейшего капитала. Все деньги, как говорится, при мне. Хотя и прожил я уже полвека, все же не могу назвать себя одиноким человеком. В моей жизни были люди, которые меня любили, но счастье куда-то быстро испарялось. Мою первую жену звали Андреа. Она была безумно красивой женщиной. В день нашей свадьбы я изрядно перебрал с алкоголем и изменил ей. Так наша совместная счастливая жизнь продлилась всего пару часов. Следующую мою любимую женщину звали Елена. Она была русской балериной. Ради нее я был готов отказаться от всего на свете. Это была сильная страстная связь... Пока она не сбежала с молоденьким и перспективным танцором. Остальных своих женщин я даже вспоминать не стану. Видимо, я весь свой любовный порыв уже растратил. Последние 15 лет прошли в скитаниях. Я подрабатывал художником. Талант, конечно, был, но вот кисть я уже не мог держать так уверенно, как в юности.

Получив удачный гонорар за последнюю работу, я отправился в местный кабак, где и познакомился с Оскаром Деловеге. В этом пропитом месте можно было встретить весь свет нашего города: сюда заходили судьи, артисты, бандиты и местные пьянчужки. Еще в этом кабаке всегда были неплохие ставки на покерном столе. Увеличив алкоголь в крови, я почувствовал, что именно сегодня мне должно повезти. Но деньги уходили в никуда. И за пару часов я уже успел проиграть все, что пылилось в моих рваных карманах. Затем меня вышвырнули из игры, а мое место занял какой-то юнец. Наверное, только что выпорхнул из-под мамино крылышка, а уже туда же. Такой расклад дел меня просто взбесил. Поэтому я отправился за барную стойку продолжать топить свою неудачу в стакане чего-нибудь покрепче. В этот самый момент я и познакомился с Оскаром. Он сидел рядом и выпивал. А точнее, как принято говорить в кабаках, мусолил свой стакан уже который час. Он был непохож на посетителя таких мест. Всем своим видом старался показать, что его лучше оставить в покое. Но я все же рискнул с ним заговорить. Черт знает, откуда такой порыв возник во мне.

– Ну что, дружище, тоже не повезло тебе сегодня?

– Я не играю, – скупо ответил Оскар.

– А чего не играешь-то?

– Я не игрок.

– Может, ты псих?

– Я обычный человек, – помолчав немного, он продолжил: – Может, и псих.

– А-а-а... Ну, тогда я тоже. Меня зовут Норман.

– Оскар Деловеге.

– Я тут частый гость, а вот тебя вижу впервые. Ты, видимо, не местный?

– Я приплыл из города «Д».

– Точно, вот откуда мне знаком твой акцент. Отличный город. Я жил там пару лет назад.

Что стряслось? Ты этот стакан уже час в руках держишь. Может, лучше я уже допью?

– Если тебе так хочется. Держи.

Оскар толкнул стакан в мою сторону, а сам склонился еще ниже.

– Ты что, все проиграл? – спросил Оскар.

– И такое бывает. Но я еще свое возьму.

Вот, собственно, и вся наша первая беседа. Пропустив еще по бокалу, мы стали чувствовать какую-то незримую дружескую связь между собой, хотя Оскар так и оставался немногословным. За весь вечер я узнал лишь то, что он едет к жене и дочери.

– Ты думаешь, что я простой игрок? Что покер – это всего лишь баловство? – неожиданно даже для самого себя я снова начал разговор. – Да это целое искусство.

– Искусство?! – воскликнул Оскар. – Что за вздор!

– А ты дай мне деньги, и я покажу, как прекрасно ощущение азарта.

– Да ты пьян, – не успокаивался Оскар.

– Ты боишься, что сам втянешься.

Оскар, не желая больше продолжать диалог, кинул на стол заветную монету и сказал:

– Я же хочу увидеть результат.

За покерный стол сам он сесть не решился, но зато всю игру стоял позади. Странное ощущение не покидало меня: с одной стороны, я чувствовал огромную ответственность – теперь я мог подвести не только себя, с другой же – было как-то спокойно на душе.

При первой же раздаче мне повезло. Я наконец-то смог отыграться. Не знаю, что мне так помогло: то ли адреналин, который подскочил до предела в моей крови, то ли страх разочаровать своего нового друга. Так или иначе, я был очень горд успехом.

– Видишь? А ведь это только начало!

– Да, что-то в этом определенно есть.

Всю игру он был немногословен, да мне и не нужны были его слова. Я и так ощущал поддержку этого человека, как говорится, спиной чувствовал.

Но моя новоиспеченная удача, как подлая воровка, начала скрываться из виду. Я понимал, что еще одна раздача – и я буду полностью разгромлен. Знаете, это чувство для меня не ново. Я, можно сказать, периодически нахожусь в нем, но вот сейчас это состояние было совершенно невыносимо. У меня закончились деньги... Игра закончилась...

Парализующее чувство стыда пронзило мое тело. Я сидел не шевелясь. Боже мой, в ту самую секунду я совершил самый ужасный поступок в своей жизни.

Моя подлая душонка начала быстро перебирать в голове способы отыграться, выйти сухим из воды. Вы думаете, что я расстроился из-за денег? Нет, все было намного хуже. Я расстроился из-за него. Он так и стоял надо мной молча, и его немой укор был куда более самых гневных слов.

Если бы только у меня была возможность все исправить. Если бы только...

Почему-то я решил, что не все потеряно, что удача вернется ко мне, нужен только еще один шанс. Денег не было, поэтому нужна была какая-нибудь хитрость, которая смогла бы спасти ситуацию. Что-что, а искусно врать у меня получалось всегда. Я с каменным выражением лица или даже немного с каким-то пафосом достал из кармана старые часы, которые недавно случайно нашел, и швырнул их на игровой стол в качестве ставки.

Если уж я начал говорить вам всю правду, то, наверное, стоит признаться, что часы эти я не случайно нашел, а взял, так сказать, в аренду на неопределенный срок. Я писал картину для одного зажиточного господина, а точнее, для его жены. И пока он находился в неведении, я успел закрутить роман со своей новой музой – его женой. Хотя я и частенько бываю пьян, женщины всегда были не прочь провести со мной время. Наверное, какая-то необъяснимая романтика есть в художниках, какого бы возраста они ни были. Ну а позже вернулся ее муж. Как вы уже успели догадаться, такое положение дел его не устроило совершенно, и он вышиб меня за дверь, так и не заплатив за работу. Хорошо, что моя интуиция заранее подсказала мне забрать эти часы. Хотя какая-то плата за неблагодарную работу.

Так вот, этот жест с часами означал только одно – это моя высокая ставка. О подлинной стоимости этой вещицы я не знал. Но учитывая, что после того случая с картиной меня никто не искал, значит, стоили они сущую мелочь.

За столом все переглянулись. Недоверие, непонимание читалось в глазах моих соперников. Кто-то, не выдержав сиюминутного молчания, выкрикнул: «Что еще за дешевку ты тут бросил?» Времени не было, пришлось придумывать правдоподобную историю этих часов на ходу. Азарт и страх переплелись в моей голове. Думаю, именно это и подействовало на них – украденные часы подняли ставку. А мне только это и было нужно. Игра началась, но удачи мне не принесла. Второй раз за ночь меня вышвырнули из игры. Оскар молчал. На его лице не было ни единой эмоции, которая хоть как-то выдавала бы его. Я впервые в жизни видел такого человека: вот он вроде бы стоит рядом с тобой и смотрит прямо в глаза, но его взгляд не говорит ни о чем, совершенно ни о чем. Его не удивила и не расстроила эта ситуация. Он будто уже проживал что-то подобное. Молчал и я.

– Что это еще за трюк с дешевыми часами? – уже более заинтересованно спросил он.

– Откуда ты знаешь, что они дешевые? Может, часы стоят еще в тысячу раз дороже ставки?

– Да если бы они не были так пьяны, то тоже бы догадались. Где ты их взял? – укоризненно спросил он.

– А может, мне их подарили?

Я старался как-то оправдаться в его глазах. Но это было ни к чему. Во-первых, он меня ни в чем не обвинял, а во-вторых, мне кажется, что он видел меня насквозь.

– Да, ты прав, я и сам подозревал, что они почти ничего не стоят. Но ведь никто ни о чем не узнал. А так была возможность отыграться, – продолжал я.

– Но ведь мы ничего не выиграли? Хотя тебе надо отдать должное, ты бился до последнего. Хоть и сомнительными методами, но бился.

Он похлопал меня по плечу в знак одобрения. Мне даже показалось, что легкая улыбка пробежала по его лицу.

– Это было интересно. Может быть, и я когда-то увлекался этой забавой, только вот забыл, – продолжил он. – Послушай, я не в праве тебя учить, но тебе лучше бросить это занятие. Оно не доведет до добра.

– Да я знаю. Хочу бросить, но... Как тут бросишь, когда это единственное место, где еще живет какая-то моя надежда.

– Думаю, надо убираться отсюда, пока они не отрезвели.

Эти слова стали в каком-то смысле знаменательными. Только мы вышли на улицу, как на нас набросились люди хозяина кабака – Бреда Тернера. Так сильно меня не били давно. Я закрывал лицо руками, старался прижимать колени ближе к телу, но все бесполезно. Резкими ударами они били точно в голову, печень, почки. Я одним еще не полностью закрывшимся глазом видел, что Оскару досталось не меньше моего. За что его трогать?! За что?!

Тернер тыкал в мое лицо часами и что-то орал. У меня заложило уши, но даже в таком состоянии я понимал, что он требует денег. Выплюнув лишнюю кровь изо рта, я попытался объяснить, что деньги принесу позже, что я смогу найти их до вечера. А главное, я хотел, чтобы они отпустили Оскара.

Я не рассказал вам еще об одной детали нашего знакомства. Когда я только подошел к нему, он смотрел в свой бокал и ни с кем не разговаривал. Но, как я уже говорил, между нами возникла какая-то незримая связь. Как будто мы старые приятели, которые случайно встретились в баре. Бывает же такое. Как сейчас помню, Оскар сказал: «Как страшно однажды проснуться и не знать, кто ты есть на самом деле. Вот только вчера, да нет, даже сегодня утром было ощущение, что ты живешь: правильно или неправильно, это уже другой вопрос,

но живешь. И вот судьба преподносит тебе откровенную пакость... Или, может, наоборот, открывает глаза на твою жизнь. А знаешь, я ведь к жене и дочке еду».

Стоило догадаться, что Тернера не устроит мой ответ. Они отшвырнули Оскара в сторону, а меня, схватив за обе руки, потащили к реке. Я думаю, не стоит объяснять, как с подобными должниками поступают такие люди. Счет пошел на минуты. Вот они тащат меня, а я пытаюсь увидеть, где Оскар. Говорят, что в таких ситуациях у людей вся жизнь пролетает перед глазами – я не стал исключением. Только пролетать было нечему. Сплошные диафильмы моего существования: юность, загубленная молодость, кабаки, картины, женщины. Я, быть может, и не любил никогда по-настоящему, у меня, быть может, и друзей-то не было никогда настоящих...

Мои мысли прервали брызги воды. Как оказалось, я уже лежал в реке. Вода покрывала и больно щипала мои раны.

Тернер направил на меня револьвер.

«Ну, вот и все», – твердило мое сознание.

Я зажмурился и ждал, когда это все закончится. Раздался выстрел, но я остался жив.

Это был Оскар! Оскар! А что здесь понимать? Он собрал все свои силы и попытался накинуться на Тернера, сбить его с ног. Все произошло в одно мгновение, и моя пуля досталась ему. Больше они не сделали ничего. Развернулись и ушли. В этом городе творилось беззаконие. Подобные хозяева заведений чувствовали себя абсолютно защищенно. Оскар не шевелился. Пуля пришлась прямо в сердце.

Мне не хватит сил объяснить, что я чувствовал в этот момент... Никогда не хватит сил. Думаю, прошло уже несколько часов, а я все сидел в реке рядом с окровавленным трупом моего друга.

Мысли путались в моей голове. Уши были все еще заложены, но я мог разобрать слабый вой сирены. Это утренний патруль. Они каждый день делали обход по городу и собирали трупы людей. Как они любят говорить: «Есть и дело, и тело, и виновный».

Времени оставалось мало, мне нужно было убираться. Я попытался тащить тело друга за собой. Я хотел похоронить его как следует, а не так, чтобы его свалили к остальным. Но мой организм был слишком истощен и изранен. Я делал пару шагов и падал. Пытался тащить друга, вставал и снова падал. В этот момент патруль подъехал уже совсем близко, и мне ничего не оставалось, как попытаться где-то спрятаться. Я сидел неподалеку от пристани и видел, как они равнодушно погрузили тело в машину и уехали. Стараясь заглушить свою боль, я кусал кулак, кусал его больно, чтобы не слышать себя. Рядом с кабаком я обнаружил сумку Оскара – это единственная вещь, которая осталась от него. Это единственная зацепка. Я подумал, что, возможно, какие-то личные вещи смогут рассказать мне хоть что-то о нем. Взяв сумку, я пошел к пристани. Только там в такое раннее утро я мог остаться один на один с самим собой.

Сумка моего друга была почти пустой: там лежала лишь какая-то толстая тетрадь в переплете, письмо с фотографией и небольшой мешочек, в котором хранилось немного денег. Письмо было от его жены. Прочитав его, я понял, что Оскар очень давно не видел своей семьи по каким-то непонятным для меня причинам. Но они ждут его, очень ждут и надеются на скорую встречу. Мне стало тошно от самого себя.

«Мой малознакомый друг не успел к своим родным, а я остался жить. Они надеются, ждут его, а он так и не сможет их увидеть. Я должен рассказать им обо всем, что произошло в эту ночь. Я должен рассказать, что он спешил к ним, что он их любил. Я должен вынести свою жизнь на их суд», – твердило мое сознание.

Было решено ехать в другую страну, туда, где живет его семья. Деньги в мешочке оказались вовсе не лишними. На них я смог купить себе самый дешевый билет. И вот уже через час, ровно в 8:30, я отправился на корабле в страну «Л».

Мое тело продолжало ныть от ночных потрясений. Пройдя в одну из кают, я машинально улегся на кровать и попытался как можно скорее заснуть. Можно подумать, будто во сне закончились бы мои мучения.

Прошло всего пару минут, а я уже находился в каком-то незнакомом доме. В оцепенении я всматривался в каждый уголок этого места. Здесь было так уютно, что мне удалось ненадолго расслабиться. Я старался вглядываться во все вещи, чтобы найти хоть какой-то отклик в своих воспоминаниях, но все было бесполезно. Еще через пару минут в комнату вошла женщина. Я не мог разглядеть ее лица. Сначала подумал, что эти проблемы у меня возникли от ночной бойни, но, взглянув на свои руки, ноги, тело, я не обнаружил никаких ран. Что-то было явно не так. Я не видел ее лица, но чувствовал, что она очень красива. Она подошла и своей нежной рукой коснулась меня. Ее тепло и ласка отдались в моем сердце тысячами импульсов. Я хотел прикоснуться к ней, но тело меня совершенно не слушалось. Я стоял, словно запечатленный на какой-то картине.

«А я тебя ждала. Все время ждала. Мне нагадали, что ты не вернешься ко мне, а я не верила. Представляешь, какие злые люди», – произносила она.

Но ее голос был совсем не четким. Я старался прислушиваться к каждому звуку. Было ощущение, что я нахожусь где-то глубоко под водой, а она на поверхности.

«Ну, идем же. Почему ты стоишь?» – всхлипывая, она начала тащить меня за собой. Но я не шевелился.

«Нет, ты не пропадешь снова. Только не сейчас», – уже чуть не плача, уговаривала она меня.

А я не мог даже пошевелить губами. Она опустила голову и покорно вышла из комнаты. Я видел страх в ее глазах, я видел отчаяние. Мне хотелось помочь ей, но я не знал как. Когда она захлопнула за собой дверь, мое оцепенение закончилось. Вдруг я почувствовал сверлящую боль в теле. Прикоснувшись к своей грудной клетке, я увидел кровоточащую рану. Все руки мои были в крови. Я поднял голову и в отражении окна увидел вместо себя Оскара. Я прикасался к сердцу, и он повторял то же самое.

«Что происходит?» – промелькнуло в моей голове.

– Эй, эй, ты живой?

Я открыл глаза. Надо мной стоял какой-то тучный мужик с засаленными волосами. Он дергал меня за плечо. Вот и снова все раны на моем теле напомнили о себе.

– Что? Да, все в порядке, – пытаюсь отмахнуться, отвечал я.

– А я уж подумал, не помер ли ты? Вид у тебя так себе. А нам плыть еще долго.

– Я уснул, видимо.

– Что с лицом-то? Вот, возьми, – он протянул мне какой-то сверток.

– Что это?

– Я всегда его ношу с собой. Тут несколько лекарств. Жена кладет мне это, когда я уезжаю на работу.

Мне хотелось побыстрее отделаться от него и вспомнить свой сон. Но я понимал, что он прав.

– Спасибо. Мне нужно было какое-то лекарство. Ты мой сосед?

– Да, меня зовут Оливер. Я возвращаюсь с работы домой.

– А я Норман. Который сейчас час?

– Так уже глубокий вечер. Ты проспал, кажись, весь день.

– Лучше б и не просыпался, – тихо произнес я.

В туалете я распотрошил сверток своего соседа. Там действительно были какие-то бинты и лекарства. В зеркало мне смотреться не хотелось. Нет, мне не было страшно, мне скорее было противно от самого себя. Умывшись ледяной водой, я обработал самые болезненные раны на своем теле.

«Сон, мне же снился сон», – вдруг вспомнил я. Этот сосед своими резкими движениями выбил из меня его окончательно.

Вернувшись в каюту, я был ужасно рад, что Оливер крепко спал. Мне хотелось побыть одному, в тишине.

Я забрался обратно в кровать и принялся рассматривать вещи Оскара. «Сейчас голова немного яснее, нужно перечитать письмо еще раз», – подумал я.

Но темнота уже полностью поглотила пространство каюты. Не видно было ничего. Спать мне не хотелось, поэтому я решил подняться на палубу. Там все-таки освещение куда лучше. Корабль спал. Наверху я встретил только одного матроса, который, видимо, следил за всем. Я устроился возле мачты корабля. До меня периодически долетали брызги воды, холодный воздух сильно бил в лицо, но этого мне как раз и не хватало. Не знаю, что за лекарство дал мне сосед, но все тело мое ужасно ныло. Так что такая прохлада оказалась как раз кстати. Я открыл его сумку и достал письмо. Оно было изрядно потерто и помято. Видимо, Оскар перечитывал его ежедневно. Эта мысль вызвала во мне тревогу.

«А что если письмо было отправлено очень давно? Вдруг они уже не живут там? Или их нет вообще?» – спрашивал я самого себя.

На обратной стороне конверта я смог разглядеть полустертую дату. Письмо было написано около двадцати лет назад.

«Не может быть!» – воскликнул я.

Мысли путались в моей голове. Одна часть меня говорила, что это все бесполезно, что зря я поехал, но другая была более убедительной.

«Если уж Оскар говорил, что он едет к жене и ребенку, значит, они ждут его до сих пор».

В конверте помимо письма лежала еще старая фотокарточка. На ней была изображена молодая женщина с маленьким ребенком. Лицо было сложно разглядеть: вся фотография была в сплошных изломах. Даже не видя их лиц, я почувствовал какую-то теплоту от карточки. И на душе стало немного легче.

«О, милый, как же я была не права. Если бы у меня была возможность все исправить, вернуть тот проклятый день, я бы никогда не посмела сказать тебе такие ужасные вещи. Тогда я испугалась, я не знала, не понимала, что мне делать дальше. Я надеялась, что если тебя не будет рядом, я смогу спокойно расстаться... с жизнью».

Этот кусок письма первым кинулся мне в глаза. В этот момент я испытал и страх, и смятение одновременно. Мне хотелось знать, что произошло с бедной девушкой, что заставило поселиться в ее голове такие страшные мысли. Но чувствовал я себя ужасно неловко, будто заглядываю в замочную скважину какого-то дома. Ведь это не мое дело. Более того, я даже не имею никакого права читать это письмо. Но я понимал: если не узнаю правды, то этот вопрос будет мучить меня всю жизнь.

«Зачем нужны такие доказательства? Зачем ты послушал меня? Я жалею об этом каждый божий день. Я не смогла сказать тебе правду, пока ты был рядом, поэтому напишу все в письме. Когда ты предложил быть навсегда с тобой, я испугалась. Нет, ты не подумай, я тебя любила и люблю. Я не знала, как тебе сказать, я не знала твоей реакции».

«Вот женщины, как много воды, как мало сути. Я сейчас уже получу инфаркт, пока дождусь, когда она расскажет», – проворчал я. Была уже глубокая ночь, и на палубе становилось очень холодно. Я чувствовал, как дрожь пробирается по всему моему телу. Но в каюту идти не хотелось. Мне было важно узнать, что произошло между ними 20 лет назад.

«Я беременна, а ведь мне всего 18 лет. Ты предлагал мне быть всегда рядом с тобой, уехать куда-нибудь далеко-далеко. А потом эта ужасная ночь... Ну как я могла признаться тебе, что у нас будет ребенок? Я испугалась, что ты меня бросишь, если узнаешь об этом. Поэтому я так и поступила».

Письмо было просто огромным. Ранее, когда я брал его в руки, оно не вызывало у меня столько негативных чувств, не казалось мне гигантским. А теперь каждая буква вызывала все больше и больше эмоций. Я будто переживаю все это сам. Будто я сижу с ней рядом, даже держу ее за руки и вижу все ее страдания.

«Ох, женщины, почему вы так все усложняете, почему нельзя сразу рассказать всю правду. Что она такого сказала, что перевернуло всю их жизнь?» – размышлял я, прислонившись лицом к железным перилам. Наверное, у меня уже поднялась температура. Тело было ледяным, а внутри все горело.

Так я и просидел до рассвета. Меня мучили мысли, воспоминания. Я думал, сколько же сейчас лет ребенку? Жив ли он? Как сложилась судьба его жены? Мыслей было много, а вот ответов мало. Мое внутреннее волнение прервали шумы, которые доносились с разных концов палубы. Корабль начал просыпаться. Наверное, со стороны я похож на какого-то сумасшедшего: у меня избитое опухшее лицо, красные и безумные глаза и израненное тело. Я решил, что будет лучше, если я вернусь в свою каюту. Мой сосед уже не спал. Он пытливо перебирал свои вещи.

– Где ты был? Я просыпался пару раз, но тебя не видел.

– Я сидел на палубе. Мне что-то не спалось.

– Ааа. Ну, чем сегодня займемся? Нельзя просто так терять время даром.

– Я, пожалуй, лягу спать. Всю ночь сидел, читал. Теперь мне нужно отдохнуть.

Это был единственный способ остаться одному.

– Ну, как знаешь. А как же еда? Или ты уже поел?

– Да, я уже поел, – на эту ложь в моем желудке сразу произошла реакция. На самом деле, я уже не помню, когда в последний раз ел. Все как-то не удавалось. Но побыть одному мне хотелось больше, чем есть. Поэтому я быстро улегся и попытался заснуть.

Сон настиг меня в ту же секунду. Мое тело пронзило успокоение, я наслаждался этим чувством. Но оно быстро закончилось. Мой сосед не рассчитал силы и громко хлопнул дверью, когда уходил. Сон покинул меня. Я возлагал большие надежды на содержание письма. А на деле получилось, что я еще больше запутался. Убрав конверт обратно в сумку, я достал толстую тетрадь в переплете. Она вся была покрыта какими-то записями. Это было больше похоже на дневник.

«Боже, это же дневник Оскара».

Глава 2. Как страшно и как прекрасно однажды проснуться и понять, кто ты есть на самом деле

Сегодня пришел конец моим мучениям, судьба улыбнулась мне. Пока я нахожусь в твердом уме и ясной памяти, постараюсь записать сюда все, что только вспомню. Не знаю, сколько продлится озарение. Но я надеюсь, что успею сказать все самые важные слова. Если кто-то найдет мой дневник, то, пожалуйста, отправьте его моей жене.

Меня зовут Оскар. Сейчас я нахожусь в городе «И». Это мое последнее пристанище перед отъездом обратно домой. Уже послезавтра я вернусь к своей жене и, надеюсь, ребенку. Мне очень сложно начать писать, потому что мысли путаются в голове. Я пытаюсь правильно восстановить все события, но потом сбиваюсь и начинаю заново. Если кому попадет эта тетрадь в руки, то не подумайте, что я какой-то сумасшедший человек. Нет, я не болен. Я хочу записать в эту тетрадь все, что будет всплывать в моей памяти. Если вдруг завтра я проснусь и не вспомню, как меня зовут, то она будет самым лучшим моим спасением.

Как страшно и как прекрасно однажды проснуться и понять, кто ты есть на самом деле.

Вспоминаю своих родителей... Мою мать звали Джинна, а отца Людвиг. Но мама всегда называла его Люд. К сожалению, мне довелось побыть с ними совсем немного времени. Нет, они не умерли. Меня не стало в их жизни. Начну все по порядку.

Мои родители были достаточно богатыми людьми. Деньги как-то всегда водились в нашей семье. Сейчас в памяти всплывают званые вечера. Там было много народу. Все старались угодить моему отцу. Видимо, он был каким-то важным человеком. Так странно, раньше не задумывался о том, чем занималась моя семья, а теперь никогда и не узнаю этого.

Я был очень долгожданным единственным ребенком. Как-то раз я подслушал разговор родителей возле кабинета. Мама пыталась убедить отца в чем-то, а он был явно против. В памяти всплывают лишь отголоски их разговора.

– Люд, ты помнишь, конечно же, что он нам уже раз помог. Так почему бы не обратиться к нему снова? – просящим голосом говорила мама.

– Не говори глупости. Доверить судьбу нашего ребенка какому-то шарлатану – это не выход! Это утопия. Как ты не поймешь, наш малыш появился не от его помощи! Это сплошное надувательство.

Как я понял, мои родители не могли иметь детей долгое время. Поэтому они даже обратились к какому-то человеку за помощью. И, по словам матери, именно он поспособствовал моему появлению на свет. В семейном архиве было очень много фотографий со дня моего рождения, да и с каждого последующего праздника тоже. Что же было еще? Ах да, у меня была няня. Замечательная женщина. Не могу вспомнить ее имени, оно было каким-то очень сложным, поэтому я всегда называл ее просто няней. Родители не так часто были дома, зато няня всегда была рядом. Из-за нее я и полюбил книги. У нас была огромная библиотека. Каждый день я часами засиживался там до поздней ночи, пока уже отец не начинал меня ругать и не отправлял спать.

Я никогда ни в чем не нуждался. У меня всегда была лучшая одежда, лучшие игрушки, лучшая школа, а точнее, ее отсутствие. Что-то вроде домашнего обучения. Помимо обязательной программы, я должен был ежедневно заниматься музыкой, рисовать и учить иностранные языки. Вспоминаю сейчас то время, я могу сказать с легкостью, что все эти уроки не прошли даром. В жизни подворачивались разные ситуации, где то или иное мое умение всегда могло меня выручить. Детство было так давно, что какие-то моменты я бы не смог вспомнить даже на здоровую голову, а тут что.

Единственное, чего мне не хватало, это общения со сверстниками. Представьте себе, я целыми днями сидел и занимался с разными умными людьми, а потом меня отпускали погулять в наш сад, который был огорожен плотной стеной от реальных улиц. Конечно, это дало и свои плюсы. Я был хорошо развит. Сложно оставаться ребенком, когда ты общаешься только со взрослыми.

Вот, пожалуй, и все. Все, что я вспомнил. Хотя нет, подождите, самое главное я забыл рассказать. Мое беспечное детство закончилось, когда мне исполнилось 10 лет. За день до этого с самого утра рабочие наряжали дом, повара готовили самые изысканные блюда и огромный торт для меня. Родителей, как всегда, не было дома, а няня была занята подготовкой к празднику. А мне было скучно. Очень скучно. Тогда я решил прогуляться в нашем саду. Как я уже упоминал, между улицей и нашим домом проходит огромная стена, которую не перепрыгнуть. И вот я шел и шел вдоль забора, думал о чем-то своем и тут увидел, что в главные ворота вносят какую-то огромную коробку. Скорее всего, это был мой подарок. У рабочих возникли какие-то неполадки, короче говоря, они забыли закрыть ворота за собой. Вот тут-то меня и одолело любопытство, желание увидеть что-то новое. Я решил, что если схожу ненадолго погулять, то ничего страшного не произойдет. Пока все были заняты коробкой, я прошмыгнул мимо них и уже был по другую сторону баррикады. Я боялся, что они тут же заметят и загонят меня обратно. Поэтому пустился со всех ног подальше от дома. Я бежал, бежал и чувствовал себя счастливым как никогда. Думал о том, сколько нового и интересного я смогу увидеть.

Но мою эйфорию прервала реальность. Я остановился и понял, что совершенно не понимаю, где я нахожусь и как вернуться обратно. Мне стало не по себе. Я же еще никогда в жизни не оставался один на улице. Нужно было постараться вспомнить дорогу домой. Я подумал, что пока буду добираться, как раз и посмотрю эту «реальную жизнь». Но вот я прохожу дом за домом, улицу за улицей, а ничего знакомого глазу не попадается. Так я плутал долго, что уже успело стемнеть. В голове у меня была только одна мысль: «Зачем я убежал? Зачем?» На тот момент я уже вымотался и порядком устал. А еще мне по дороге попала счастливая семья. Они выглядели такими радостными, поэтому мне стало еще хуже. Сил больше не оставалось, и я решил прилечь на скамейку в каком-нибудь дворе.

«Они уже точно поняли, что меня нигде нет, и скоро начнут меня искать. А я подожду их здесь», – уговаривал я сам себя.

Что было потом, я не помню. Я уснул, а когда проснулся, была уже глубокая ночь. Это был первый раз, когда я встретил свой день рождения не дома, это был первый раз, когда я потерял память.

Я лежал уже не на скамейке, а возле каких-то коробок, в мусоре. У меня ужасно болела голова, будто мне что-то тяжелое упало прямо на темечко. В тот момент я не понимал, что произошло со мной, кто я и где нахожусь. Я попытался приподняться, но не смог. Все тело мое было в ссадинах, значит, меня били. Да вдобавок я был абсолютно голый. Вы представляете себе состояние десятилетнего ребенка, который абсолютно ничего не помнит? Вот сейчас вспоминаю, и мне становится страшно. Как бы ни болела моя голова, мои руки и ноги, я понимал, что мне нужно убираться отсюда и найти тихое место. Я порылся в мусоре и нашел какую-то старую тряпку, которой и обмотал свое худощавое тельце. Куда идти, что делать, кто я – я не понимал. Единственное, что сопровождало мое сознание, это чувство страха и самосохранения. В то время в нашем городе, как и в любом другом, улицами правили ребята, которым уже нечего было терять.

Я быстро разобрался в этой системе: здесь либо ты, либо тебя. Не было времени раздумывать над смыслом существования, над тем, кто ты есть. Нужно было как-то выживать. Улицы превратили меня в жестокого человека. Я не могу вспомнить, как я попал в банду «Халле». Именно так они себя называли. Сейчас я вспоминаю и думаю, как они меня вообще

не убили, когда впервые увидели в одной набедренной повязке. Я был как белый лист – пиши, что хочешь. И каждый не стеснялся вбивать в мою голову уличные принципы.

Дневник Оскара захватил мои мысли полностью. Я даже не заметил, что в каюте уже темно и что мой сосед рассказывает мне какие-то истории. Мне была неинтересна эта реальность. Я хотел вернуться к рассказам маленького мальчика.

– Ну вот, ты понимаешь теперь, какая она зараза? – всхлипнул Оливер.

– Кто? – испуганно спросил я.

– Ну, жена моя, Лиза. Я ж тебе какой час рассказываю. Ай... – обиженно махнул он рукой и лег на кровать.

«Видимо, я пропустил что-то очень важное. Крик души, не иначе. Пойду-ка я лучше на палубу. Там и дочитаю», – подумал я и поспешил выйти вон.

Корабль уже спал. Периодически я видел только какого-то матроса. Сегодня, видимо, его день службы. Сейчас мне не хотелось забиваться в угол. Я стоял и смотрел то на небо, то на воду, то на все вокруг. За последнее время мысли в моей голове менялись с такой скоростью, что я уже устал даже думать. Неожиданно мой покой прервал какой-то женский голос. Я даже от испуга пошатнулся.

– Не бойтесь, я просто тоже хочу посмотреть на воду. У вас есть сигара?

Рядом со мной стояла хрупкая рыжеволосая девушка. Она была одета в изысканное атласное платье. Ее шею покрывало объемное украшение. Но большее впечатление на меня произвели ее руки, совсем тоненькие и маленькие пальчики.

– Нет, сигары у меня нет, – помолчав еще пару секунд, я ответил.

– Ничего у вас нет. А жаль, – жалобно произнесла она.

По ее наклоненному торсу и гуляющим глазам сразу было видно, что дама перебрала с алкоголем.

– Я думаю, вечер у вас выдался и так отличным. В таких случаях хорошо помогает только постель.

– Это вы сейчас на себя намекаете? – подозрительно спросила она.

– Я не привык на что-то намекать. Я всего лишь простой художник.

Мне стало как-то не по себе, и я поспешил удалиться.

«Да, вчера только ты похоронил друга, а сегодня уже кадришь девушку, молодец», – злился я сам на себя.

Но рыжая дамочка явно хотела продолжения диалога:

– Подождите, вы художник?

Ну вот, я же говорил, что это слово производит на дам какое-то особое впечатление.

– Да. А что такое?

– Нарисуйте меня! – решительно потребовала она.

Я знаю, чем обычно заканчивались подобные мои работы. Но сейчас у меня не было ни сил, ни вдохновения.

– Нет, я не стану.

– Тогда мой муж вас заставит. Он и не такое может, – не успокаивалась она.

– Как бы объяснить... Я сейчас уже занят. У меня не будет времени на работу с вами.

– Я заплачу вам в три раза больше, чем вы брали раньше.

Такое предложение меня остановило. У меня были абсолютно пустые карманы. А ведь мне предстояло еще искать семью Оскара. Деваться некуда – нужно было соглашаться.

– Так что, по рукам?

Она выглядела такой хрупкой и женственной на фоне морского пейзажа, что я решил согласиться. Опять же, у меня не было уверенности, что мы когда-нибудь еще увидимся. Она же пьяна, может, завтра и не вспомнит обо мне.

– Хорошо. Я остановился в каюте №15.

– Я запомнила. Завтра мы начнем работу.

Ее так обрадовало мое решение, как ребенка воздушный шарик, что она, даже не глядя на меня, побежала с палубы вприпрыжку.

Эта новость хоть немного отвлекла меня от всех ужасов последних дней. Но позже я снова почувствовал какую-то усталость. Наверное, снова температура забрела в мое тело. На палубе было холодно, а мне снова жарко. Я решил, что нужно немного поспать. «А если она не пошутила, и ей действительно нужна будет картина, то на вырученные деньги я смогу еще и поесть», – думал я, возвращаясь в каюту.

Слава о банде «Халле» носилась по всему городу, хорошо, что хоть в лицо нас не знал никто. Поначалу я не понимал, как кучка подростков может внушать такой страх людям. Да, не понимал, пока сам не убедился, что это не просто пятеро ребят, а настоящая сплоченная сила. Они всегда действовали как отлаженный механизм. Позже и я стал одним из них. Чаще всего мы занимались разгромами и грабежами. Трех ребят уже судили. Не сложно догадаться, какая роль отведена им в наших делах. Мы спали в заброшенных домах, а по ночам искали возможность в завтрашнем существовании. Сейчас, вспоминая то время, мне становится страшно. Но тогда это была лишь обыденная реальность. Первый раз на дело я пошел с ними примерно через пару месяцев после того, как потерял память.

Уже несколько недель ребята ничем не занимались. Мы нашли заброшенный дом на окраине города, там и отсиживались. Еда уже практически закончилась, а это означало, что пора было бы найти что-то стоящее. Я уже упоминал, что каждый в нашем деле играл свою роль. Так вот, знал я паренька по имени Себастьян, но все его называли просто Саба. Для всех нас банда – это совсем не развлечение, не поиск адреналина, это своего рода политика существования. Ни у кого, кроме Сабы, не было семьи. Его родители достаточно зажиточные люди, и он сам неоднократно говорил, что ни в чем не нуждается. Вы спросите, тогда какого черта он делает с нами? Я сам задавался этим вопросом. Он, как тот кот, которому надоела икра на блюдечке, и он полез в помойку. Главным в нашей компании был Стефан. Как я узнал позже, именно Стефан и Саба были первыми в этом деле. Как странно, сейчас в голову приходят даже мельчайшие подробности тех времен. Например, я вспоминаю, что Стефан и Саба дружили с самого детства. Они росли в соседних домах. Видимо, у Стефа тоже были богатые родители. Но, когда он был еще маленьким, они неожиданным образом обанкротились. Его отец не выдержал такого удара и покончил с собой. Их дом забрали за долги. Спустя еще год вслед за отцом умерла и его мать. Он остался один на улице. Так все и началось. Только Саба не ушел из дома. А еще он всегда был в курсе того, где и когда в городе водилась «крупная рыба». Именно он и давал нам все наводки.

Так вот, я начал рассказывать о своем первом деле. Мы уже несколько недель, как я и говорил, сидели в заброшенном доме и ждали Сабу. Он всегда приходил рано утром. Говорил дома, что идет в школу, а сам к нам. Но сегодня он появился только после полудня.

– Ты что так поздно? – набрасывался с расспросами Стефан.

– Они узнали о моем непосещении. Пришлось отсидеть еще урок по фортепиано. Ненавижу фортепиано, – скрипя зубами, отвечал Саба.

– И что это значит?

– Значит, что мне нужно отсидеться дома какое-то время. Быть примерным парнем. Чтобы все улеглось, – ответил Саба.

Саба узнал, что на один склад привезли большую партию ценного металла. Более того, он нашел человека, который бы купил его по хорошей цене. Так вот, наша задача заключалась в том, чтобы вывезти металл на продажу. Но если вы думаете, что мы бездумно хватались за дело, то это зря. Каждый наш поход Стеф продумывал до мелочей. Он как никто другой умел просчитать все ходы. Когда спустя пару часов был составлен готовый план, каждому из нас была отведена своя роль. Так как это было мое первое дело, все, что от меня требовалось, это помогать грузить металл. Было решено выдвигаться поздно ночью, собственно, как и всегда. Это был первый раз, когда мы отправлялись на дело без Сабы. Ему пришлось удалиться домой.

Я помню, как сильно нервничал в ту ночь. Мыслей много мелькало в моей голове: «А вдруг нас поймают? А вдруг что-то даст сбой». Видимо, тогда мой страх выдавали глаза, потому что Стеф поспешил увести меня в сторону.

– Все боялись в первый раз. Это серьезное дело, и я рассчитываю на полную твою отдачу, – он говорил размеренно и решительно. Мне ничего не оставалось, как просто кивать ему в ответ.

Его слова были как успокоительное для меня. Когда время перевалило за полночь, мы начали выдвигаться. Трёшка – наш водитель, подогнал машину. Да, у нас была машина. Правда, она почти сыпалась на ходу, но бегать еще могла. Среди всех парней водить умел только он, кличка у него была такая странная. Позже мне довелось узнать ее значение. Все ребята строго придерживались составленного плана Стефа, никто не смел отступать. Мы остановились в пятистах метрах от склада. Трёшка заглушил мотор. Выключать фары не было смысла, потому что они не работали, но он как-то мог и без их участия спокойно ориентироваться в темноте. Стеф отправил одного паренька, не помню его имени, проверить склад. А мы продолжали сидеть в машине и ждать от него сигнала. Спустя еще минут десять паренек дал нам знать, что пора идти. Все, что происходило дальше, пронеслось у меня перед глазами как сиюминутный сон.

Вот мы уже у ворот склада. Ребята резкими движениями вскрыли замок – путь свободен. Теперь медлить было нельзя, каждая секунда была на счету. Мы быстрыми отточенными движениями хватали металл и грузили его в телегу, а затем вывозили на улицу. Я постоянно оглядывался по сторонам, не мог хорошо сосредоточиться. Я не понимал, где охрана, почему никто не следит за ценностями склада. Может, мне тогда именно это и помешало. Когда я вывез первую телегу на улицу, возле ворот уже стояла наша машина, и Трёшка был готов грузить металл. Так, ход за ходом, мы смогли перетаскать большую часть партии.

– Пора уходить! – кричал Стеф.

Все ребята как по команде побросали металл и двинулись к выходу. Не знаю, что это было – интуиция или уже наработанный опыт, но Стеф умел точно до минуты предугадать, когда нужно уходить. Так произошло и в этот раз. Я видел, как ребята бегут к выходу, поэтому я поспешил сделать то же самое. Видимо, мои нервы дали сбой, потому что в самый неподходящий момент я уронил себе на ногу кусок металла, который держал в руках. Конечно, от такого удара моя ступня моментально распалась на части. Жуткая боль немедленно повалила меня на землю. Краем глаза я видел, как в другом конце склада стали появляться блики от фонарей – значит, пора уходить. Я понимал, что мне нужно бежать, да хотя бы ползти к выходу, иначе меня поймают, но адская боль в моей ноге обездвиживала все мое тело. Я начал терять сознание. В полубреде ощущал, что кто-то схватил меня за шиворот, положил на плечо и куда-то понес. В глубине души я надеялся, что это был кто-то из своих. Больше ничего не помню. Не знаю, сколько я пробыл без сознания. В чувство меня привела острая боль в ноге и чьи-то крики.

– Он чуть нас всех не подставил! – кричал Стеф.

– Да он первый раз был там. Вспомни, как ты трусил, когда шел на дело раньше? – не менее эмоционально говорил Трёшка.

– А ты тоже хорош. Какого черта ты там делал, когда мы уже все погрузили в машину? – не унимался Стеф.

– А что, мне надо было его там бросить? – озлобился Трёшка.

– Надо было слушать меня! И слушать, что я говорил! А я сразу сказал, что от него нам толку не будет, – рычал Стеф.

Полуоткрытым глазом я видел, что между ребятами разразился скандал, который уже начинал перерастать в потасовку. Остальные ребята просто сидели рядом. Никто не хотел вмешиваться в эту перепалку. Поразило то, как меня пытался защитить Трёшка. За все мое время пребывания в банде никто не осмеливался вступать в конфликт со Стефом. Он был, так сказать, непреклонным авторитетом. А тут такое и из-за меня.

– Тогда тебе и нянчиться с ним теперь! Имей в виду, если такое повторится еще раз, мы вышибем его сразу. И тебя вместе с ним, раз ты такой заступник! – прорычал Стеф и поспешил немедленно покинуть эту комнату. Вслед за ним вышли и остальные ребята. Все, кроме Трёшки.

А я лежал и думал, что бы такое сказать ему. Никакие слова в голову не приходили. Но он, будто почувствовав мое пробуждение, поставил стул поближе к кровати и сел рядом.

– Ну, как ты? – уже спокойным голосом спросил он.

– Да ничего, только ногу не чувствую, – попытался хоть что-то промямливать я.

– Это плохо! А ты старайся чувствовать ее, иначе без ноги будешь бегать, – опечаленно проговорил он.

– А что там? Ну, с ногой что?

– Ничего не помнишь, да? Ты валялся на складе в кровянице. Похоже, ты уронил себе на ногу железо! Ну и раздробил там все себе.

– Но я не видел рядом уже никого, только охранника вдалеке. Как я тут оказался?

– Так я вытащил. Не оставлять же тебя там. Теперь надо, чтобы ты скорее пришел в себя, иначе мы оба влипнем по-крупному.

В последующий месяц я практически все время проводил с ним. Видимо, дело было действительно стоящим, потому что у нас в доме еды было навалом. Я не знал, чем занимались другие ребята, потому что практически всегда лежал в комнате, и ко мне заходил только лишь Трёшка. Он меня и кормил, и за ногой моей смотрел. В банде не только со мной, но и с ним начались какие-то напряженные отношения. Как ни странно, это нас сплотило еще больше. В те нелегкие моменты я понимал, что теперь у меня появился друг. Хоть какая-никакая, но уже семья. Спустя еще месяц Трёшка начал заставлять меня ходить. Он раздобыл где-то костыли, и ежедневно день начинался и заканчивался у меня одинаково – я пытался снова начать наступать на ногу. К тому времени мои кости уже практически срослись, но наступать было больно. К слову говоря, боль в ноге беспокоит иногда меня и сейчас, хотя прошло уже много времени.

Так вот, он заставлял меня ходить. Сначала вдоль и поперек комнаты, потом по дому, а затем уже и по улице. Благодаря его стараниям я уже скоро передвигался без костылей. Тем более что поправляться мне нужно было очень быстро, в скором времени нам предстояло идти на новое дело. И как говорил Стеф: «Это вам не железо грузить, здесь думать надо и действовать быстро».

А на меня и на Трёшку легло еще больше ответственности. Примерно за неделю до похода объявился Саба. Он-то и рассказал нам все подробности. Какая-то зажиточная семья покидала этот город, а дома у них добра немерено. Следить за всем должен был остаться только один человек, но он не будет для нас помехой. С наступлением темноты мы сможем пробраться в дом и вынести столько, сколько нужно.

Я уже упоминал, что какая-то история стоит за кличкой моего друга. Все называли его Трёшкой. Когда в очередной раз мы пошли с ним на улицу разрабатывать мою ногу, он рассказал мне, почему эта кличка прицепилась к нему.

– Иногда ты лежишь, смотришь куда-то вдаль и о чем-то думаешь. Ты серьезно ничего не помнишь? Или предпочитаешь забыть все? – как-то начал он.

– Не помню. Последнее, что приходит мне в голову, так это то, как я лежу где-то среди мусора. Мне холодно и страшно. А потом все как в тумане. И вот вы. Я оказался здесь, – с какой-то ноткой грусти начал вспоминать я.

– Странно это все. А как зовут тебя, тоже не помнишь?

– Нет, не помню, – пожимая плечами, отвечал я.

– Ты уже давно с нами, а имени никто твоего не знает. Я буду называть тебя Оскар.

– Пусть будет Оскар. Я не против. А тебя все называют Трёшка, почему так?

– А что тебе не нравится?

– Да нет, все нормально, только с чем это связано?

– А с чем связан Оскар?

– Ты что, тоже выдумал?

– Да нет. Была одна история. На самом деле, я не люблю, когда меня так называют, пытался отделаться от нее, но... Прилипла. А сейчас уже как-то все равно стало.

– Расскажешь, может?

Он неоднозначно посмотрел на меня. Видимо, разговоры по душам были здесь несвойственны.

– Так и быть. Тебе можно доверять, я думаю.

Он почти никогда не курил, только в какие-то сложные нервные моменты. А тут он быстро достал сигарету из штанов. Я молчал, и он молчал. Мне казалось, что ему нужно собраться с мыслями. Вспомнить что-то, что он так тщательно пытался забыть. Докурив сигарету до конца, он присел рядом со мной на камень. Помолчав еще пару секунд, он опустил голову и начал вслух вспоминать свою жизнь до банды.

– Сейчас мне тринадцать где-то. Теперь я привык, что жизнь движется именно так. Еще несколько лет назад у меня был дом, семья. Жили мы бедно. Отец бросил нас, когда мне не было еще и пяти лет. Унывать и киснуть было нельзя. После его ухода я стал самым взрослым мужчиной в нашей семье. Был еще мой младший братик. Мать работала портнихой целыми днями и ночами, а я сидел с ним дома. Она всегда очень уставала, поэтому иногда пила. Из-за ее такого состояния заказов становилось все меньше и меньше. Через два года она и вовсе осталась без работы. Мне тогда уже было почти семь, а братику пять. Пришлось найти работу мне. Неподалеку от нас жила богатая семья, и я пристроился к ним. Они почти не платили, наверное, боялись, что я куда-то не туда дену деньги, зато давали всегда много еды. Все без остатка я приносил домой – маме и братишке.

Резко он прервал свой рассказ. Я чувствовал, что чем больше он рассказывает, тем сложнее ему становится вспоминать все, что было. Он встал, походил взад и вперед, потом вернулся на прежнее место, только уже сел спиной ко мне и продолжил:

– Мне было только жалко брата. Он ежедневно сидел с ней дома и видел, как она умирает на глазах. Я просил ее, я умолял снова заняться делом, в конце концов, перестать пить... Дальше становилось хуже. Как только я приносил домой еду, она сразу же забирала все и уносила. А потом возвращалась с бутылкой чего-то там. Когда в очередной раз брат остался голодным, я стал прятать немного хлеба в кофте. Когда мать уходила, мы с братом ели. Это было тяжелое время, но все же, я был не один. Понимаешь, не один. Потом в нашем доме стали появляться какие-то мужики – они пили вместе. Как-то мы с братом купались в реке, и я заметил, что у него вся спина в синяках и ссадинах. На мои расспросы он не отвечал, говорил лишь, что упал. Какой же я идиот, нужно было тогда догадаться, что его избивали.

Трёшка склонился еще ниже. Он поспешил закрыть глаза руками, да не просто закрыть, а будто вдавить ладошки в голову.

– Короче говоря, как-то раз меня отпустили домой пораньше. Хозяева уезжали куда-то по делам, и я им оказался не нужен. Я взял приготовленную для меня корзину с едой и пошел домой. Что было дальше, даже вспоминать не хочу. Я пытался забыть это много лет. Три года я отсидел в колонии для несовершеннолетних, отсюда и кличка Трёшка. Будто это все было не со мной, понимаешь, не со мной. Когда я подошел к дому, то еще с крыльца услышал крики – это кричал мой братик, братишка. Я бросил корзину и помчался в дом. На кухне сидела еле живая мать. Ее никто не трогал, она ничего не соображала уже от спиртного. Минувя ее, я побежал в комнату. Распахнув дверь, я увидел, как какая-то жирная скотина избивает палкой брата. Кровь потеками проходила по всему его телу. Дальше я себя уже не помнил. Перед глазами встает только картина того, как меня выводят из дома. Под белым покрывалом лежит тело этого борова, а брат сидит, забившись в углу. Я никогда не смогу забыть его глаза, его испуганные, полные ужаса глаза. Их я видел в тот день в последний раз. За убийство той скотины мне впаяли немалый срок. Да это мало меня волновало, если честно. Каждый день я не мог найти покоя, потому что понимал, что на место этого мужика придут другие и будут также издеваться над братом. Как я узнал потом, мать устроила новый способ заработать. За бутылку она разрешала избивать родного сына, но не до смерти, а так, чтобы пар выпустить. Ты можешь себе представить, что я ощущал все то время, пока сидел в тюрьме. Я каждую ночь вынашивал план побега, как я заберу брата, и мы сбежим. Только такой мыслью я и жил. Пока мне не принесли письмо с извещением.

Тут его голос оборвался. Я впервые видел его в таком состоянии. Его трясло, слезы хлынули. Но он дрожащим голосом продолжал.

– Его убили. Как мне сообщили, пьяный мужик не рассчитал своих сил. Смысла жить больше не стало.

Он соскочил и побежал в лес. Видимо, сил выворачивать душу больше не было. Хромая, я побрел за ним. Спустя час я нашел Трёшку. Его руки были в крови, такие же следы были и рядом на дереве. Он дал волю своим эмоциям.

– Я не видел больше матери. Не знаю, что бы я с ней сделал, если б увидел. Меня выпустили через три года. Саба помог. А ты, ты мне напоминаешь чем-то его. Может, поэтому я и почувствовал, что должен был спасти тебя тогда на складе.

– Я не знаю, был ли у меня когда-то брат или нет. Была ли семья или нет, но одно могу сказать точно: теперь я счастлив, что у меня есть такой друг Трошка.

– Как ты назвал меня? – со слезами на глазах, недоверчиво спросил он.

– Трошка. Не знаю, откуда в моей памяти всплыло это имя. Вроде бы так звали книжного героя. Доброго, искреннего.

– Трошка. А что, мне нравится. А ты Оскар. Впервые за долгое время я увидел, как он улыбается, душой улыбается.

С этого момента мы друг за друга стояли горой, и это ощущали все вокруг.

– Эй, эй?! Я же говорю вам, он не просыпается. Видать, совсем заках.

Сквозь сон я ощущал, что кто-то трясет меня изо всех сил, пытаюсь разбудить.

– Постарайтесь сильнее, я должен его доставить через 10 минут, – чей-то равнодушный голос раздался неподалеку.

«Ну что ж еще, не дадут мне никак поспать!» – крутилось у меня в голове.

Открыв глаза, я увидел, что у одного края моей кровати стоит мой сосед и толкает меня в бок, а у другого – незнакомый мне человек.

– О, очнулся. Ты так кашлял во сне, что я решил, до утра ты не протянешь, – мямлил сосед.

– И поэтому ты привел кого? – стараясь отодвинуться от них, спросил я.

– Сэр, я по поручению миссис Дрю. Она послала за вами, уверяя, что вы художник.

– А, черт побери, так она вспомнила обо мне, интересно.

– Да, именно так, сэр. И она уже дожидается вас в своей каюте.

Я сиюминутно соскочил с кровати и принялся одеваться.

– О, да ты художник. Не знал, не знал. А нарисуй мою жену? – не успокаивался Оливер.

– Позже, все позже, мой друг.

Схватив пальто, я поспешил скорее выйти из каюты, пока он не попросил чего-нибудь еще. Слуга рыжеволосой девушки, с которой мы познакомились прошлой ночью на палубе, привел меня в одну из самых богатых частей корабля. Здесь жили только привилегированные особы. А простым смертным даже вход сюда был запрещен. Остановившись у одной из кают, этот незнакомый мне мужчина открыл дверь со словами: «Миссис Дрю ждет вас». И удалился.

– Здравствуйте. А при дневном свете вы не выглядите столь привлекательно, как прошлой ночью, – произнесла рыжеволосая девушка и поспешила протянуть свою руку.

Подобная наглость даже вызвала во мне какой-то интерес, поэтому я, проигнорировав ее жест, поспешил пройти вглубь каюты и устроиться поудобнее в кресле.

– Так вы хотели меня видеть, миссис Дрю?

– Да, если вы не отказываетесь от слов, что вы художник.

– Не отказываюсь, если вы не отказываетесь от своих.

– О чем это вы? – немного покраснев, спросила она.

«Видимо, вчера ты была изрядно пьяна, раз такие мысли пробегают у тебя в голове», – подумал я.

– Что платить вы мне будете в три раза больше, чем я беру за картину.

– Ах да, – с облегчением вздохнула она. – Точно, да это не будет проблемой. Какой вы меня видите?

– Я хочу сделать необычный портрет, а может, зарисовку, – немного подумав, ответил я.

– И что это значит? – озадаченно спросила миссис Дрю.

– Не хочу раскрывать всех тайн, пусть это будет сюрпризом. Уверяю, вам понравится.

День меня совершенно не вдохновляет, я предлагаю писать ночью, когда уже весь корабль будет спокойно спать в своих каютах.

На мое предложение миссис Дрю не отвечала. Она неподвижно сидела на кресле возле меня, а ее взгляд был устремлен куда-то вдаль.

– Или что-то не так? – поспешил узнать я.

– Тогда жду вас вечером на палубе, когда все уже уснут. Не хочу, чтобы ходили слухи.

– Что ж, и мне они ни к чему. До свидания, миссис Дрю.

Поцеловав ее руку, я поспешил удалиться из каюты. Теперь времени становилось еще меньше. Утром, пока спал мой сосед Оливер, я читал дневник Оскара, днем спал, а вечером и ночью писал портрет. Странное чувство не покидало меня: за свою жизнь я написал уже более сотни таких картин, последние делал на автомате, а теперь со мной творилось что-то не то. Я нервничал, боялся взять кисти в руки, будто совсем забыл, как это делается. Мой разум, мое сознание разделились на два лагеря: одни говорили, что нужно сосредоточиться на работе, отвлекаться от всего того, что было, а другие постоянно напоминали о жизни Оскара, о его детстве. Так, желая не потерять работу и побыстрее узнать о моем покойном друге, я практически перестал спать. Почти ничего не ел, еда как-то совсем не шла в мое горло. Я ощущал боль и слабость лишь тогда, когда оставался один на один с самим собой. А это было только во сне. Когда я был с миссис Дрю, я был поглощен этой хрупкой рыжеволосой девушкой, а когда лежал в каюте, то прошлое моего друга заменяло мне настоящее.

Так и пролетела первая неделя моего нахождения на корабле. И да, картина была тоже почти готова. Оставалось лишь внести небольшие правки в работе. В каюте стало совсем темно, а это означало, что мне пора собираться на палубу. Миссис Дрю опаздывала. Признаться, я

даже начал немного привязываться к ней. Наверное, человеческого общения не хватало мне уже давно. Все эти последние события просто сводили меня с ума, а тут она – чистый человек, который не мучает вас кучей вопросов, не заставляет сидеть и думать о том, какой ты человек и что ты сделал в этой гребаной жизни. Легкость в ней была, что ли. Не знаю.

Прошло уже больше часа, а она еще не появлялась. Я уже говорил, что когда я остаюсь один на один с самим собой, все мои раны дают о себе знать в трехкратном размере. Так было и сейчас. Я почувствовал, как невыносимая и атакующая слабость пробежала по всему моему телу, прежние ссадины начали ныть, да еще этот кашель...

Спустя еще час я понял, что она уже не придет. Появился еще один человек в моей жизни, который вызывал у меня неподдельные чувства. Мне ничего другого не оставалось, как вернуться обратно в каюту. Хотя, признаюсь честно, было желание пойти к ней, узнать, что же случилось.

Но тут я услышал, как по палубе тихонько застучали каблучки. В воспоминании сразу возникло то злостное утро, когда я сидел один на перроне и слушал, как люди топчут асфальт. Неожиданно мое сердце отозвалось новой порцией колющей боли.

– Вы еще здесь? Я боялась, что вы ушли, – чуть не плача, начала она.

Миссис Дрю выглядела как-то не так, не как обычно. Волосы ее были растрепаны, а тело прикрывал распахнутый халат, за которым виднелся кусочек пижамы.

– Что-то случилось? Я думал, мы закончим сегодня картину с вами? – озабоченно спросил я.

– Ничего, ничего такого, о чем бы вам следовало знать, – строго сказала она. – Но нам лучше уйти отсюда. Пойдемте.

– Но куда мы идем?

– К вам в каюту, там и закончим. Или вы не хотите получить свои деньги?

Было видно, что что-то произошло с ней до нашей встречи. Даже во время нашего диалога она не могла стоять на месте. Постоянно ходила взад и вперед, пытаясь успокоиться.

– Но у меня там спит Оливер – мой сосед.

– Ничего, вы попросите его выйти. Поспит на палубе один день, ничего не случится. Я и ему заплачу за такую жертву, – даже при своей миниатюрной комплекции она умудрялась вести себя очень властно. Мне ничего не оставалось, как только подчиниться. Тем более, я был жутко рад ее видеть снова. Может быть, и в последний раз.

Спустя еще пару минут мы уже были в моей каюте.

– Будите его! Живо! – приказывала она.

– Я думал, этим займетесь вы, – подыгрывал ей.

– Что за вздор, будите, я сказала!

Но этого делать не пришлось. У Оливера отличный слух. В темноте было сложно понять, что он уже давно лежит и смотрит на нас, пытаясь понять, что нам здесь нужно вдвоем.

– Понятно, Норман, можешь ничего мне не объяснять, – засмеялся Оливер и поспешил встать с кровати.

– Да вы о чем? О чем это он? – возмущенно кричала она.

– Да ладно вам, я уже ухожу, – продолжал мой сосед.

Он быстро собрал вещи и удалился из каюты. А мне эта ситуация показалась очень забавной. Даже настроение улучшилось, и болезнь отступила на время.

– Вы видели, каков нахал? – не успокаивалась миссис Дрю.

– Ну, откровенно говоря, со стороны это все выглядит именно так, как он и понял.

– Ах так, тогда я поспешу немедленно удалиться. Мне это ни к чему! – прорычала она.

В каюте было темно. Я еле различал очертания ее тела. Но чтобы понять, что она ужасно раздражена и даже оскорблена, не нужно было освещения. Ее нервным импульсом была пропитана вся каюта.

– Подождите, я же просто пошутил. А он – дурак. Это просто глупая шутка.

– Не трогайте меня! – всхлипнула она. – Вы сейчас правду говорите? – немного помолчав, продолжила.

– Конечно, ну сразу же понятно, что мы будем дописывать картину. Вот, у меня и кисти с собой. – Стараясь как-то развеселить ее, я резкими движениями поднял кисти вверх, чтобы их было лучше видно. – Вот, смотрите, они у меня!

– Ладно, ладно. Я вам верю, – чуть повеселев, ответила она.

Но я чувствовал, что она сама не желала уходить.

– Ну что же вы стоите? Приступайте!

– Как? Здесь так темно, я еле разбираю, где находитесь вы.

– Тогда вам стоит включить фантазию!

– Это невозможно при всей моей фантазии! – чуть подойдя к ней ближе, я продолжил. – Если только на ощупь.

Я думал, что сейчас будет буря, гром, гроза – ну что угодно. А она ничего мне не ответила, лишь пододвинулась поближе.

Это был самый необычный способ. Мы в полной темноте находились вдвоем в замкнутом пространстве. Я поочередно прикасался то к ней, то к холсту. Кисти были не нужны, я рисовал пальцами на ощупь. Признаюсь честно, все мысли о последних событиях моей жизни вылетели из головы. Я был опьянен ею. И импульсы ее тела отвечали мне взаимностью, хотя она вела себя неприступно.

– Я почти закончил, осталось только добавить несколько штрихов вашим губам.

Голос мой был каким-то дерганым, я ощущал желание всем телом, но не смел.

– Хорошо, я еще потерплю! – иронично ответила она.

Но я чувствовал, что она не терпит, а наслаждается. Ох уж эта странная профессия – художник.

Обмакнув кончики пальцев в новый слой краски, я нежно прикоснулся к ее рукам. На ощупь они оказались еще более желанными для меня. Я понимал, что как только я прикоснусь к ее губам, то моя работа над картиной прекратится. Теперь началась игра – кто устоит дольше. Я водил кончиками пальцев по ее скулам, изящному носику, а затем снова возвращался к губам. От моих прикосновений все ее лицо было покрыто краской, но это еще больше вызывало желание в ней. Я чувствовал, как ее дыхание учащается.

– Что вы делаете со мной?! – очень робко, еле дыша, произнесла она.

Это стало последней каплей нашей обоюдной пытки. Мои губы впились в ее, наши тела стали одним целым на эту ночь. О боже, какое же это было недостающее лекарство.

– Скоро наступит рассвет, тогда я уже не смогу смотреть в твои глаза. Мне нужно уходить.

– Нет, останься. Я не хочу терять... Нашу связь.

– Связь? Вот как! – злорадно прошептала она.

– Может, я подобрал не те слова, но ты же понимаешь меня.

– Я желала этой ночи ровно в тот момент, как мы встретились тогда на палубе. Но всему наступает конец. Пусть этот портрет будет памятью о нашей ночи.

Я понимал, что расставание неизбежно, но как же мне не хотелось снова оставаться с самим собой.

– Постой, – начал я.

– Не надо обманывать себя и меня. Это была последняя ночь. Прощай.

Она взяла холст и поспешила к выходу. Теперь я мог немного разглядеть свою работу. Было в ней что-то прекрасное. Когда она ушла, я так и продолжал неподвижно лежать в кровати. Еще пару часов вся моя одежда будет иметь ее запах, а значит, я еще немного смогу побыть с ней вдвоем.

Мою идиллию бесцеремонно прервал сосед, хотя, конечно, я ему благодарен за то, что он ушел этой ночью.

– Как все прошло? Знатная девица тут была, – лез ко мне с расспросами он.

Мне не хотелось ничего отвечать ему. Вот никак не пойму, почему он так сильно раздражал меня. За все время нашего пребывания в каюте мне хотелось либо уйти, либо лечь спать, чтобы никак с ним не пересекаться. Слава Богу, наше молчание прервал стук в дверь. Там стоял тот же мужчина, который в первый раз приходил за мной, чтобы отвести меня к ней.

– Сэр, миссис Дрю просила передать вам, – сказал он и протянул мне запечатанный конверт.

– Спасибо. Эмм...

Я хотел спросить, как она, но он словно испарился. У моего соседа уже горели глаза.

– Вот же любопытная ворона, – проворчал я шепотом. Утолять его интерес мне не хотелось вовсе, поэтому я решил пройтись. Тем более, всю красоту пейзажа я наблюдал всегда только ночью. Прихватив с собой дневник Оскара, я покинул каюту.

Мне еще не совсем удалось вернуть прежнее состояние ноги, но времени на лечение не было. В эту ночь мы уже должны были выдвигаться на новое дело. В нашей банде чувствовалось какое-то напряжение, но вида никто не подавал. Для меня на тот момент задача стояла еще сложнее: если на складе я понимал, что нужно хватать металл и бежать, то что хватать здесь? Я боялся, что не смогу определить подлинную ценность какой-то вещицы. Трошка будто чувствовал мое напряжение.

«Там и разберемся, что дрянь, а что нужно», – весело сказал он.

Спустя еще пару минут мы были уже возле того самого дома.

«Ну и домище! Кто ж здесь живет-то?» – отзывалось в моей голове.

– Все помнят, что делать? – нервно сказал Стеф. – И в этот раз без самостоятельности! – и грозно посмотрел на Трошку.

И все, время снова полетело. На самом деле, этот дом никто не охранял. Ребята без проблем вскрыли замок, и спустя пару секунд мы были уже внутри. Остальное – дело техники. Дом был пустым. Вся мебель была покрыта белыми скатертями.

– Все ценности в кабинетах, побежали! – прошептал Трошка.

Так наша банда разделилась: кто-то побежал наверх осматривать спальни, кто-то продолжал перерывать гостиную, а мы с другом отправились в кабинет на первом этаже.

– Он заперт, вот черт! – встревожился я.

– Отойди! – прорычал Трошка и вышиб дверь ногой.

«Такой маленький, а такой жилистый», – подумал я.

– Проверь стол! – не успокаивался он.

На столе был полный беспорядок, будто кто-то уже был здесь, или же хозяева так спешили уехать. Отодвигая ящик за ящиком, я пытался найти что-то, что приглянется мне, и нашел.

– Оскар, смотри, я нашел тайник в стеллаже. Глянь-ка, сколько здесь дорогих безделушек! Ох, поспешили вы с отъездом.

Трошка был похож на довольную обезьяну: он прыгал с ноги на ногу, нацепив на себя все украшения, какие нашел. А я в этот момент увидел что-то более интересное, хотя и менее ценное, наверное. В одном из ящиков лежал револьвер с фотографией. Я достал револьвер и положил его на стол, но больше мой интерес привлекла сама фотография. Не знаю, что в ней было такого.

– Что, что ты там разглядываешь?

– Хозяин забыл револьвер! И какую-то семейную фотографию.

– Покажи, – пододвинулся ко мне Трошка. – Фотография – барахло, а вот эта вещь стоящая. Теперь она твоя. Помни, все, что ты найдешь здесь, твое.

– Эти цапки тоже теперь твои?

– Нет, это живые деньги, они общие, мы их поделим. Так, нам надо уже сматываться. Хватай его и пошли.

Прошлый раз научил меня, что медлить в таких делах нельзя, поэтому я быстро засунул револьвер в штаны и побежал за ним. В гостиной творился полный хаос, ребята перевернули весь дом.

– Что, нашли что-то? – закричал Стеф.

– Тише, так нас услышать могут, – прошипел я.

– Не бойся, здесь никого нет. А если бы и кто-то был, мы бы уже давно его нашли и убили, – рассмеялся он.

Я даже представить не мог, что смогу кого-то убить, но тут же вспомнил про револьвер в штанах. «Надо было его там оставить», – злился я сам на себя.

– Время вышло, пора сматываться, – вступился Трошка.

Стеф хотел, видимо, как-то возразить Трошке, но в этот момент раздался вой сирены. Кто-то был здесь, видел, как мы обчищаем каждый сантиметр.

– А черт, бежим! – заорал Стеф.

Ребята ломанулись в подвал, мы с Трошкой побежали за ними. Я плелся на одной ноге. Мой друг был рядом, хоть ему и угрожала опасность. В подвале оказалось много ходов и выходов, поэтому мы быстро потеряли всю остальную часть банды из виду.

– Беги! Ты их догонишь! – толкая Трошку, кричал я.

– Э-э-э нет, еще раз я брата не потеряю. Давай, навались на плечо, и бежим.

Полиция была уже совсем близко, тогда мне казалось, что я ощущаю даже злобное дыхание их на себе. А мы все бежали по коридору.

– Кто так строит, тут что, лабиринт что ли? Столько ходов и выходов! Куда бежать? – кипел Трошка.

Пробегая мимо очередного поворота, я резко остановился.

– Оскар, сейчас не время отдыхать. Бежим! – кричал он.

– Нет, стой. Нам сюда, – схватив его за руку, сказал я.

Пробежав еще пару метров, мы уперлись в какую-то стену.

– Вот дьявол, это тупик! – раздраженно кричал он.

Обшарив руками стену, я нашел небольшой рычаг. Нажал на него – открылась потайная дверь.

– Вот это да! – изумленно прошептал Трошка. – Бежим туда.

Так мы оказались в каком-то тайном месте. Вслед за нами сразу захлопнулась дверь. Мы стояли внутри какой-то темной и узкой комнаты.

– Это что сейчас было? Откуда? – немного отдышавшись, прошептал он.

– Я не знаю, просто почему-то почувствовал, что нам сюда.

Хорошо, что он тогда не видел моего лица, со мной творилось что-то необъяснимое. Где-то глубоко внутри себя я ощущал, что это мое место, что оно мне родное.

– Ты знаешь, я слышал, что в таких ситуациях человек способен на многое.

Я не отвечал, просто кивал в знак одобрения.

«Может, это просто мозг меня выручил», – думал я.

– Я думаю, надо здесь отсидеться, а когда все стихнет, постараемся пробраться к выходу.

– Как думаешь, нас тут не найдут? – спросил он.

– Не думаю, она же секретная какая-то.

– Револьвер у тебя? – обеспокоенно спросил Трошка.

– Да, ты думаешь, он нам пригодится?

– Ну, если только в нем есть пули.

– Я не посмотрел. И я думаю, это лишнее. Мы сможем выбраться отсюда, вот увидишь, – уверенно заявил я.

В полной темноте и наступившей тишине мы просидели еще несколько часов. Когда звуки в доме затихли, мы решили, что пора действовать. На стене я снова нащупал какую-то кнопку, и дверь открылась.

– Куда теперь? – озабоченно спросил Трошка.

– Не знаю, думаю, надо идти наверх. Уйти так же, как и пришли.

Мы шли очень осторожно, медленно и тихо. Не разговаривали и практически не дышали. Я шел впереди, а Трошка позади меня. В гостиной тоже никого не было. Медленно, но верно мы продвигались к выходу.

– Замок! – прошептал я.

– Вижу, сейчас я его открою. А ты смотри в оба.

Пока он ковырялся в замке, я следил, чтобы никто нас не увидел. В этот самый момент из кухни выходила какая-то женщина преклонного возраста с чашкой чая в руках. Увидев нас, она замерла в оцепенении. Трошка быстро вытащил из моих штанов револьвер и наставил на нее. От испуга у этой женщины выпала чашка из рук.

– Стойте там, дамочка! – прорычал Трошка. – Держи ее на прицеле. А дернется, сразу стреляй!

Он вложил мне в руку револьвер, а сам продолжил вскрывать замок. Я стоял не шевелясь. Мало того, что я впервые в жизни наставлял курок на живого человека, так еще и этот самый человек был мне так знаком. Она тоже стояла неподвижно.

– Все, готово! Бежим! – прокричал он.

А я не мог сдвинуться с места. В ее глазах было столько сожаления и ласки, наверное, я сошел с ума тогда. Трошка схватил меня за плечо, пододвигая к выходу. Я опустил револьвер и последовал за ним.

– Милый мой! – заорала она.

От неожиданности мы оглянулись оба.

– Бежим! – еще громче закричал он. И мы побежали со всех ног. В ту минуту я даже боль перестал чувствовать. Наконец, завернув в какой-то двор, Трошка схватил меня за руку, и мы без сил упали на землю. Отдышаться, конечно, не могли еще долго.

– Как ты? В порядке? – начал он.

– Да, в полном.

К вечеру мы уже смогли добраться до нашего пристанища. Там были все, даже Саба пришел.

– Где вы были?! – сразу налетел Стеф. – Мы думали, что и вас забрали!

– Что значит «и вас»? – встревожился Трошка.

– Сэм не успел!

– Что теперь? Нужно как-то вытащить его? – взбесился я.

– Что? Что делать, ты спрашиваешь? А я тебе отвечу! Сидеть тихо, мать твою, и не высываться! – зарычал Саба и пошел в наступление.

Назревала драка. Саба все ближе и ближе стал приближаться ко мне, а я не стал отдаляться, прятаться.

– Ты, как тебе удалось опять выйти сухим из воды? Вот просто интересно, где вы были все это время? А?

– Да мы так же рисковали, как и вы! О чем ты говоришь! – вступился Трошка.

Наверное, в тот момент сработал какой-то инстинкт самосохранения. Я вытащил из штанов револьвер и наставил на них.

– Может, мне тебе так нужно объяснить?! – с холодом в голосе сказал я.

– Э-э-э, опусти! Слышь, ты что задумал?

– Ну, погорячились, и будет! Что теперь?!

– Оскар, опусти! – в приказном тоне сказал Трошка.

– Кто? Оскар? – переспросил Стеф.

– Да. Тебе и имя мое не нравится, как я сам?! А? – не успокаивался я. Меня понесло. – Значит так, если уж мы все здесь заодно, значит, и относиться будем ко всем одинаково! А если нет – сегодня же разбежимся!

– Нет, ты посмотри, он еще приказывает! – усмехнулся Саба.

– Заткнись, Саба. Хорошо, хорошо! Опустит револьвер! – спокойным голосом ответил Стеф.

– Дай мне его сюда! – протянув руку, сказал Трошка.

Я проигнорировал его просьбу, но револьвер все же убрал обратно в штаны. А после развернулся и покинул комнату. Сегодня был очень тяжелый день для меня, поэтому я быстро отключился. Мне снилось лицо той женщины. Эту ночь я спал очень плохо. Периодически просыпался весь в поту и сразу засыпал. Какая-то невыносимая боль в голове была у меня. Она не проходила, не исчезала, а просто преследовала меня.

К утру у меня уже совсем не было сил выносить это. Еще немного полежав, я решил, что, быть может, свежий воздух как-то поможет мне. В доме еще все спали. Я тихо оделся и вышел во двор. Свежий ветер сразу проник в мой организм, и я наконец-то смог вдохнуть полной грудью.

«Как мне этого не хватало».

Но мое одиночество прервали чьи-то шаги, которые доносились из леса. Я спрятался за дом и стал наблюдать.

«Нас вычислили!» – отзывалось в моем сознании.

Но на этот раз там был всего лишь Трошка.

– Ты где был? – обеспокоенно спросил я.

– Тьфу, напугал! Что ты там прячешься? А? – испуганно вскрикнул он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.